

# ФИЛОЛОГИЯ

## НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 482  
ББК Ш 141.2 – 5

*О. Л. Абросимова*  
г. Чита, Россия

### **Заемствования и их адаптация в забайкальских говорах**

В статье анализируется процесс заимствования забайкальскими говорами слов из бурятского языка. Особое внимание уделяется фонетической, лексической, словообразовательной адаптации заимствованных слов в русском диалекте.

*Ключевые слова:* говор, заимствование, адаптация фонетическая, лексическая, словообразовательная, грамматическая.

*O. L. Abrosimova*  
Chita, Russia

### **Loanwords and Their Adaptation in Zabaikalsky Dialects**

The article focuses on the process of borrowing words from the Buryat language into Zabaikalsky dialects and highlights phonetic, lexical and word-building adaptation of loanwords into the Russian dialect.

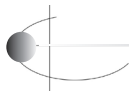
*Keywords:* dialect, borrowing, phonetic adaptation, lexical adaptation, word-building adaptation, grammatical adaptation.

Диалект, как и язык в целом, постоянно изменяется. Это явление динамическое, а не статическое. Основные тенденции развития современных говоров Забайкалья – влияние литературного языка и просторечия, междиалектные контакты и иноязычное воздействие. И если первые две тенденции в конечном итоге могут привести к нивелированию, выравниванию говоров, возникновению на территории Забайкалья единого диалектного пространства, то последняя тенденция не просто сдерживает этот процесс, но и способствует изменению отдельных говоров, закрепляя их отличие от других. Эти сложные процессы постепенно приводят к тому, что некоторые говоры Забайкальского края видоизменяются, приобретают несколько другие черты, но при этом не исчезают, не уступают место просторечию.

Межкультурная коммуникация во многих говорах Забайкалья становится толчком для возникновения достаточно интересных языковых явлений. Особенно это касается пограничных говоров, носители которых на протяжении длительного времени контактируют с представителями иных культур. Этому способствует и геополитическое положение Забайкальского края, который граничит с Китаем и Монголией. Кроме того, очень большое место в забайкальских говорах занимают явления, появившиеся под воздействием

субстрата. Естественно, что в этом случае нельзя говорить о глобальном межъязыковом взаимодействии (такие контакты можно считать всего лишь локальными), но вместе с тем они очень значимы для русского диалекта. Если китайский язык практически не повлиял на забайкальские говоры, то контакты на протяжении длительного времени с бурятским языком и его диалектами, эвенкийским языком, монгольским языком, говором ононских хамниган не прошли бесследно. Особенно тесно взаимодействуют бурятский и русский языки. Однако взаимовлияние их не является равнозначным. Русский язык влияет на развитие не только диалектов, но и бурятского литературного языка, пополняя прежде всего их лексический запас. Бурятский же язык оказывает точечное влияние на русский забайкальский диалект. Прежде всего это касается лексического уровня как самого подвижного и восприимчивого. Вот некоторые из слов, заимствованных забайкальскими говорами из бурятского языка: гуран – бур. гура/н/ – «самец косули», шурган – бур. шурга/н/ – «буря», джембура – бур. зумбараан – «суслик», кулан – бур. хулан – «дикая лошадь» и т. д.

Некоторые говоры Забайкальского края находятся в очень сложных условиях межъязыкового контактирования, что не может не отражаться на их развитии. Например, пограничные ононские



говоры за трёхвековую историю существования контактировали с монгольским, тунгусским языками, говором олонским хамниган, агинским диалектом бурятского языка. Результат такого контактирования – многочисленные случаи интерференции, характеризующие различные уровни диалекта.

Межкультурная коммуникация становится своеобразным толчком к заимствованию. При этом носителям говоров необходимо знать не только иноязычное слово как таковое, но и культурный компонент его значения, реалии инокультуры. Только в этом случае иноязычное слово войдёт в диалектную систему и получит в ней новую жизнь. Можно сказать, что заимствование предотвращает не только смысловые, но и культурные сбои в процессе коммуникации. Это своеобразный сигнал, который свидетельствует об успешности межъязыкового и межкультурного контактирования.

Заимствованию в забайкальских говорах подвергались в основном слова, обозначающие бытовые реалии, и слова, связанные с животноводством. Можно выделить следующие тематические группы предметных заимствований:

*Лексика, связанная с характеристикой человека.* Здесь можно выделить несколько подгрупп:

- 1) социальная характеристика человека (батхул – бродячий каторжник);
- 2) характеристика человека по происхождению (гуран – коренной забайкалец);
- 3) характеристика человека по черте характера (олганджа – непутёвый человек);
- 4) характеристика детей (отхон – младший ребёнок в семье, заргол – неполноценный ребёнок, боегон – незаконнорожденный ребёнок);
- 5) характеристика человека по умственным способностям (зунтугло – человек, выживший от старости из ума).

*Лексика, обозначающая диких животных:* гуран – дикий козёл, инзаган – козлёнок дикой козы, бабольджа – удод, джимбура – суслик.

*Лексика, связанная с животноводством:* иман – домашний козёл, имануха – домашняя коза, кочерик – двухлетний телёнок, борокчан – годовалый телёнок.

*Лексика, обозначающая еду, питьё:* бузы – бурятские позы, затуран – зелёный чай с молоком и солью, арца – молочный продукт.

*Лексика, обозначающая растения:* ургуль – подснежник, бурлэшки – дикий абрикос.

Толчком к заимствованию может стать отсутствие в русском диалекте каких-либо классификаций предметов, явлений, понятий. Например, в русском языке есть только слово «телёнок» для обозначения детёныша коровы. В бурятском же языке существует возрастная градация телёнка: борокчан, кочерик, гунан. Кроме того, многие

наименования «выражают более конкретное понятие по сравнению с русскими названиями и одним словом могут заменять описательное наименование (например, бухлёр – варёное мясо с бульоном)» [2, с. 217].

Слова, которые приходят в диалект из других языков, могут иметь определенные иноязычные фонетические приметы. Рассмотрим это на примере олонских говоров Забайкалья, где зафиксирована аффриката <дж> в заимствованных словах. Эта мягкая фонема с сильным началом и слабым заключением не характерна для русского языка, но зато есть в говоре олонских хамниган, некоторых диалектах бурятского языка, тунгусских говорах и монгольском языке [3]. Судя по всему заимствование слов олганджа, джимбура, джапы сопровождалось процессом заимствования звука /дж/. Такое внедрение фонетических черт в систему не является единичным. Под влиянием бурятского языка, на наш взгляд, появилась и такая черта, как сильная редукция гласных звуков в безударных, особенно заударных, слогах. Скорее всего, возникновению этой черты способствовал агинский говор бурятского языка, где зафиксировано выпадение начальных, конечных гласных, исчезновение гласных в положении после или перед сонатными и некоторыми слабыми согласными [4, с. 156–157].

Заимствоваться могут как слова, которые обозначают новые, неизвестные диалекту предметы, явления и процессы, так и слова, которые, появившись в говоре, дублируют уже имеющиеся диалектизмы.

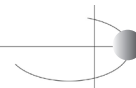
Не все заимствованные слова закрепляются в диалекте. Причины могут быть следующие:

- 1) исчезновение в связи с утратой явления, процесса;
- 2) утрата под влиянием литературного языка и просторечия.

В качестве примера можно привести группу диалектных слов, которые употреблялись в нерчинском диалекте в XVII–XVIII вв. Г. А. Христенко, анализируя памятники письменности, среди нескольких тематических групп диалектной лексики выделила названия должностных лиц: тайша, шуленга, зайсан. Эти слова вышли из употребления забайкальцев, и в результате в диалекте они квалифицируются как устаревшие [5, с. 438].

Многие слова уходят постепенно из диалекта под влиянием литературного языка. Так, например, в XVII–XVIII вв. были диалектные слова с обозначением масти лошадей (халтарый, халюный, халзанный), которые в настоящее время в говорах Забайкалья практически не употребляются [5, с. 438].

Те же слова, которые закрепились в диалекте, постепенно адаптируются, приспосабливаются к его законам, получая новую жизнь.



Адаптация заимствованных говором слов может быть фонетической, лексической, словообразовательной, грамматической.

При фонетической адаптации происходит такое освоение слова, при котором оно приспосабливается к фонетическим законам русского языка. Фонетическая адаптация – процесс сложный и многоступенчатый. Заимствование звука, а затем его приспособление к фонетической системе русского диалекта проходит несколько этапов. В результате такой адаптации в говорах Забайкалья появляются фонетические варианты. Например, инзаган, инджиган, инжиган; ургуй, ургуль; зунтугло, зундугло.

Фонетическое освоение заимствованных слов выразилось в их приспособлении к следующим фонетическим законам, действующим в русском языке: согласные смягчаются перед звуком /э/: [тыкэ́н]; гласные подвергаются редукции: [д^ха], [д^ган]; отмечается оглушение согласных на конце слова: [тырлык]. Иногда фонетическое освоение слова сопровождается такими серьёзными изменениями, что очень сложно соотнести его со словом языка-источника. Сравним произношение слова «суслик» в бурятском языке и в говорах Читинской области: зумбараан и [джымбура]. Это же относится и к словам эрген, шилюкан.

Вместе с тем следует отметить, что не всегда при заимствовании происходит процесс фонетической адаптации. В результате диалектом могут заимствоваться иноязычные звуки, которые при систематическом употреблении пополняют фонетическую систему говора. Например, заимствованный звук /дж/, который пополнил фонетическую систему ононских говоров, нашёл в них достаточно широкое распространение. Процессы внедрения звука сложны. Так, заимствование из бурятского языка, которое в языке-источнике произносится как инзаган, в ононских говорах звучит как инджиган. Здесь, скорее всего, произошло двойное заимствование – слова и звука. Сначала заимствовалось слово инзаган, а затем на это слово распространился уже существующий в говоре заимствованный звук /дж/.

За счёт внедрения иноязычных явлений в забайкальских говорах могут поддерживаться некоторые процессы, которые возникли в результате имманентного развития говоров. Примером может послужить произношение в ононских говорах Забайкальского края кратких щелевых шипящих согласных /ж/ и /ш/. Эти согласные могут быть мягкими, полумягкими, твёрдыми. Мягкие звуки – наследие материнских говоров. Твёрдые возникли в результате влияния литературного языка. Существование в говорах промежуточных полумягких разновидностей, на наш взгляд, – результат столкновения трёх тенденций: массивованное влияние литературного языка постепенно ведёт к исчезно-

ванию мягких шипящих через стадию полумягких разновидностей, но известный консерватизм артикуляционных навыков носителей диалекта и влияние бурятского языка сдерживают этот процесс, закрепляя распространение полумягких разновидностей.

Результатом лексического освоения слова может быть изменение значения или полное его переосмысление. В говорах Забайкальского края все заимствования сохранили то же значение, которое имеют в языке-источнике, но некоторые слова обозначают изменённые реалии, более приспособленные к русскому быту, например, тырлык в говоре обозначает не летний халат из ткани, а кожаный плащ без подклада. Иногда происходит сужение значения, в результате многозначное иноязычное слово превращается в русское диалектное однозначное: арца – бур. аарсан – «род творага; кушанье, получаемое путём варки «арсы» в кипятке или бульоне». В говорах Читинской области за словом арца закреплено только первое значение. Ещё пример: в бурятском языке прилагательное зудэруу имеет несколько значений: «исхудавший, невзрачный, усталый, грязный». В русских диалектах слово зудырь перешло в разряд существительных и обозначает грязь, а прилагательное образовано на его основе: зудырный – «грязный». Подобный процесс произошёл и со словом шалюухан, которое в бурятском языке является уменьшительно-ласкательным прилагательным от шалюун и имеет значение «хулиганистый, непристойный». Русское диалектное шилюкан обозначает непослушного ребёнка.

Заимствование – основа для расширения семантических связей слов в диалекте. Заимствование после адаптации может стать толчком к появлению новых синонимических пар: грязь – зудырь, гуран – дикий козёл, баболджа – удод, ургуй – подснежник. Появляются антонимы (зудырный – чистый); омонимы (гуран – дикий козёл; гуран – коренной забайкалец).

В связи с заимствованием в диалекте развивается полисемия:

Бурхан – 1. Бурятский бог. 2. Здоровый, крупный ребёнок.

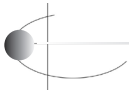
Тымэн – 1. Верблюд. 2. Упрямый человек.

Гудзебера (куджебера) – 1. Плохой баран. 2. Плохой человек.

Сангин – 1. Чеснок. 2. Вредный человек.

Многие заимствованные слова, появляясь в диалекте, приобретают яркую экспрессивную коннотацию. Экспрессивными становятся слова зихлать, базлать, хайлать (кричать), зунтугло (сумасшедший), озунтуглеть (выжить из ума), олганджа (непутёвый человек), дыген (плакса).

Иногда слова адаптируются в русском диалекте настолько, что становятся составляющими фразеологизмов. Так, например, фразеологизм



зунтугло зунтуглом возник в диалекте по аналогии с уже имеющимися фразеологизмами типа атымалка атымалкой, охрепа охрепой. Ещё один пример: зарголом скачет. Такие фразеологизмы, как правило, характеризуют человека и имеют отрицательную коннотацию.

Показателем того, что слово осваивается в русском диалекте, может быть образование от него новых слов по словообразовательным моделям русского языка: зунтугло – зунтуглеть – озунтуглеть.

Слово зунтугло (от бур. зунтэг – «одряхлевший, старческий, выживший из ума от старости»), является непроемким, от него при помощи глагольного тематического суффикса -е- образуется глагол зунтуглеть, имеющий значение «выживать из ума от старости» (его видовая пара – озунтуглеть). Ещё примеры: куцан – куцашок (некастрированный ягненок); ишигэн – ишигэнка (шкура козленка); ургуй – ургуйки (цветки подснежника); хомун (бур. хаму – кожные заразные болезни) – хомунный (больной кожной заразной болезнью). Такие цепочки могут объединяться в достаточно объёмные словообразовательные гнезда. Например, на основе слова иман («козёл») образовались следующие диалектные слова: имануха («самка козла»), иманёнок, имашонок (детёныш мужского

пола), иманушка (детёныш женского пола), иманий («козлиный»), иманина («козлятина»), иманиться («ягниться»). Иногда при помощи суффиксов создаются эмоционально окрашенные слова: даган – даганчик (уменьш.-ласк.), дагашка (пренебр.), тыкен – тыкешка (пренебр.), доха – дошка (уменьш.-ласк.) [1, с. 26–27].

Для того чтобы слово получило грамматическое освоение, необходимо, чтобы оно соответствовало русской морфологической модели.

Заемствованные слова и образованные по словообразовательным моделям русского языка новые слова в диалектах приобретают грамматические значения, характерные для русского языка. Слова даган, валух, куцан – существительные мужского рода, 2 склонения; слова арца, арака склоняются по 1 типу, как и все существительные женского рода на -а; прилагательные иманий и гураний наделены всеми признаками прилагательного, а у глагола озунтуглеть можно определить вид, переходность, возвратность, залог на основании общих признаков, характерных для любого русского глагола.

Таким образом, в забайкальских говорах можно выделить большой пласт заимствованных слов. Пополняя диалект, они адаптируются и начинают жить по законам русского языка независимо от языка-источника жизнью.

#### Список литературы

1. Абросимова О. Л. Лингвистическое краеведение Забайкалья. Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2009. 86 с.
2. Игнатович Т. Ю. Современное состояние русских говоров севернорусского происхождения на территории Восточного Забайкалья: фонетические особенности. Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2011. 237 с.
3. Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1920. Вып. 1. 297 с.
4. Шагдаров Л. Д. О некоторых языковых особенностях тугнуйских и агинских бурят и степени их отражения в литературном языке // Исследования бурятских говоров. Улан-Удэ, 1968. Вып. 2. С. 156–163.
5. Христосенко Г. А. О способах семантизации локализмов в историческом региональном словаре 18 века // Проблемы комплексного изучения человека. Человек в условиях Забайкалья: материалы 2 регион. научно-практ. конф. Чита, ЧГПИ, 1996. С. 436–439.

Рукопись поступила в редакцию 02. 05. 2011